

Ноотропы

Дмитрий Игнатов

2023-11-22

Contents

Об авторе	1
О «Ноотропах»	2
К читателю	2
Другие книги автора на ЛитРес	3
Нейрокапсула	3
После них был потоп	7

Об авторе

Дмитрий Алексеевич Игнатов — российский писатель-фантаст, работающий в жанрах твёрдой научной фантастики, гуманитарной и социальной фантастики, философской новеллистики, антиутопии.

Автор сценариев для короткометражного фестивального кино. В этом качестве участвовал в кинофестивалях «КиноШок» и «Метрополис». В настоящее время - дизайнер и веб-разработчик, пишет сценарии для кино, ТВ и рекламы. Исполняет обязанности заместителя главного редактора в журнале «Парус». Публиковался в изданиях «Знание - Сила», «Знание - Сила: Фантастика», «Искатель», «Подвиг», «Новый журнал» (США), «Нева», «Дарьял», «Байкал», «Смена», «День и Ночь», «Нижний Новгород», «Машины и механизмы», «Инвожо», «Южная звезда», «Истоки», «Крылья», «День литературы», «Парус», «Северо-Муйские огни», «Эмигрантская лира», «Дрон», «Сура», «Рукопись», «Белая скала», «Литературная Россия», «Литературный Крым», «Причал» (журнал отд. СПР г. Ярославль), альманахах «Литературный оверлок» и «Литературный альманах» (г. Хабаровск), сборниках: «Тайны и приключения», «Наука

веселья», «Мастера прозы», «Modus operandi», «Открытый космос», «Художественная верификация», «Мистический писатель», «Паттерны» (изд. «Перископ-Волга»), интернет-изданиях: «ВеликороссЪ», «Невечерний свет», «Автограф», «Пять стихий», электронном приложении «Мастерская» журнала «Семь искусств». Автор романа в рассказах «Великий Аттрактор», иронического фэнтези «Кампания Тьмы», хоррор-повести «Первыми сдохнут хипстеры» и сатирического справочника «Это ваше FIDO». Проживает в г. Воронеж.

О «Ноотропах»

Деликатная мечтательность и глубокая привязанность к концепции «русского космизма», отвлекаясь от хтонического и углубляясь в духовное, отталкиваясь от частного и переходя к общему, масштабному позволяет отнести рассказы к жанру гуманитарной фантастики. Где на первом плане не проблемы маленького человека, а судьба всего человечества, всей планеты. Автор необычайно красиво и образно доносит представление о жизни человека в его единении со Вселенной, мы всего лишь квантовые флуктуации вакуума. Вся наша жизнь подчинена одному единому закону – жить ради чего-то или ради кого-то. И неважно палеоконтакт ли это с осьминогами или «день сурка» на болоте, каждый персонаж каждой притчи задаётся вопросом – «Зачем?» и вспоминает о своём настоящем предназначении. Принцип гуманизма так лирично проходит тонкой линией по всему Сборнику, что в конце остаётся не чувство утраты или скорби, а, наоборот, ощущение удовлетворения и спокойствия.

Ольга Александрова, автор издательства «ЭКМО»

К читателю

Здравствуй, дорогой читатель!

Это сборник из девяти научно-фантастических притч. Связанные и не связанные, ясные и загадочные, прямые и запутанные – все они посвящены тем или иным путям научного познания, которыми идёт человечество. Куда приведут эти тропинки? Зависит только от нас самих.

Возможно, тропинки научной фантастики приведут тебя к собственным новым открытиям, новым идеям и новым местам.

А в частности на мой телеграм-канал «Я - Писатель» @me_writer.
Буду рад!

И приятного чтения!

Другие книги автора на ЛитРес

Поддержать автора и приобрести электронные версии книг можно на сайте ЛитРес по ссылке:

<https://www.litres.ru/dmitriy-alekseevich-ignatov/>

Нейрокапсула

Осень наступает по всей округе. Раздевает яблони в саду. Золотит рябины на полянах. Пунцовой краской расписывает осины на болотистом берегу. Да и от самого озера всё чаще по утрам тянет холодком. Никакого удовольствия кататься в лодке и неторопливо рыбачить. Тут и улов не в радость. Зябко Петровичу, дома лежит. Перевернётся с боку на бок, закутается в одеяло потеплее, ногу в шерстяном носке спрячет внутрь. А сна уж нет. Так лежит. Думы думает. Их-то у него много. Дум-то. Вот, взять, к примеру: зачем он тут? Зачем-то же ведь нужен, раз есть. А если так, то зачем-то конкретно или абстрактно вообще? И ежели конкретно, то тогда, конечно, лучше. Вот так думается Петровичу. Но больше про науку думается.

Повернётся Петрович на старой тахте. Мыслями в голове скачет, глазами по дому бегаёт. Вещи по углам побросаны. Беспорядок. Хаос. Всё не с руки его разгрести. Да и лень всё. С утра в дом с улицы зашёл. Куртку свою хотел на гвоздь пристроить. Не попал. Так и валяется. Шапка опять же. На табурет колченогий кинул. Сползла. Тоже на полу в углу. Ведро ещё надясь впотьмах ногой задел. Так и лежит на боку. Только палец зашибленный на ноге болит.

Да... В своём доме порядка не наведём, а всё туда же... Куда там со Вселенной управиться? Грустно Петровичу. Вздохнёт. Загорочается. Сам подымет, пойдёт и ведро подымать. А, может, так и надо оно? Хаос. Беспорядок. Самый естественный ход вещей это. Термодинамическая стрела времени, уносящая всё в сторону нарастающей энтропии.

Вот и ведро почти проржавело. Скоро совсем прохудится. И ладно. Толку-то с него? Всё одно – пустое стоит.

Картошки начистить что ли... Наберёт Петрович картошки. Под краном холодной водой в миске сполоснёт. Табурет переставит поближе к свету. Сядет над ведром. Чистит. Очистки внутрь пустого ведра сыпет. Думает.

Вот взять хотя бы, к примеру, частицу. Ну, вот, атом, к примеру. Нам-то он кажется вполне себе материальным. Вот как картошка прям. Нутро плотное. Снаружи кожица – ещё плотнее. На ней глазки-электроны рассыпаны. Модель грубая, конечно. Масштаб не выдержан. А как взглянешь на него поближе. Вот уж ни глазков, ни кожицы... А так – электронные облака одни вокруг ядра сгущаются. А промеж что? Ничего. Пустота.

Гулко падает очисток в ведро. Брякается об эмалированное дно побитое сколами, подёрнутое оранжевой ржой. Скрипит нож в хрустящей крахмальной мякоти. Идём дальше. Ядро. Прям в серёдке. Попробуешь нащупать его. Проведёшь эксперимент по рассеянию заряженных частиц. И вот же оно. Вполне себе осязаемое. Натуральный шарик. Хоть щас бери в руку, как эту вот картошку, да пуляй магнитным полем, куда хочешь. И вот уже тебе и Большой адронный коллайдер. БАК... И открытия. И новые семейства частиц. И стандартная модель.

Летит белый очищенный кругляш в алюминиевую кастрюлю с водой. Не бак, конечно. Но тоже большая. Шлёпается о холодную поверхность. Тонет. Капли брызгами вверх, а по воде только круги идут. И вроде бы и дальше понятно всё. Режь да режь. Нейтроны. Протоны. Кварки... Ан-нет. Ужо не режутся. Конфайнмент. И вроде всё те же шарики. Да не те же. Кирпичики мироздания. Да не кирпичики. Кубики - не кубики. Кусочки - не кусочки. Так. Капельки. Пена. Возмущения квантового поля. Эхо Большого взрыва. И кварки. И атомы. И звёзды. И мы. Всё. Всё кругом! Круги на воде. Кипящий вакуум.

Ставит Петрович кастрюлю с картошкой на плиту. Задумывается. Переборщил чё-то. Часть воды в ведро с очистками с шумом отливает. Вот тебе и вакуум. Это же только на словах просто. Пустота – она и есть пустота. А на деле, что твоя жидкость. Кто её знает, на каком она энергетическом уровне. Вроде стоит себе спокойно. Всё видно. Всё прозрачно. А до дна-то ещё много. Глубоко оно. А как начнёшь подводить энергию, то так закипит, что и через край польётся... Вот тебе и стабильность. Метастабильность. А что же плита-то не зажжена? Спыхватывается Петрович. В карманах шарит. Достает коробок со спичками. Вот уж бы и поджечь, да медлит что-то. Вечно эта манера людская на ходу передумывать. Смотрит на сковороду. А картошку бы и пожарить можно.

Только с чем? Печально с пустом-то... Грибов набрать? И то дело.

Поднимает Петрович куртку. Ножик перочинный в кармане проверяет. На месте. Шапку на голову натягивает. Бородку почёсывает. Пакет что ли сунуть в карман? А то, глядишь, там и грибов-то нет. Или корзину взять? Большая уж больно. Да нет. С корзиной-то оно сподручней. Берёт корзину. Из дому выходит. Дверь захлопывает, не закрывши замок. А зачем? Кто залезет? Один тут.

Когда-то давно были у него жена и дочка. Так давно, что он и сам уже не помнит, были ли они точно. Может, сам их выдумал, да потом забыл, что выдумал? Сконструил себе реальность и живёт в ней. Нет. Вроде были.

Грустит Петрович. Ходит по лесу. Грибы собирает. По болотистому берегу мимо осин пройдёт. По-за кустами траву обшарит. Вслед за соснами на холм подымет. Оглянется на полянке по сторонам. Каждый гриб он выучил. Каждый знает. Каждому имя дал. Малыши-маслята. Толстяки-белые. Потянется за яркой шляпкой да пнёт от обиды... Вот жеж Кузькина мать! Мухомор. Да только не на кого обижаться. Вокруг только сосны своими стволами ввысь тянутся. Островерхими макушками в небо тычут. К звёздам хотят. Не до грибов им.

Вздохнёт Петрович. Дальше пойдёт. По тропинке вниз с холма. Мимо кустов опять. А там и снова озеро с заболоченным бережком. Вроде напрямик старается, а всё кругами ходит. Ноги словно сами заворачивают, от дома уйти не дают. Прирос к своей земле Петрович. А может и хорошо это? Не заблудишься.

Наматывает Петрович петли повокруг озера. Устанет. Выйдет снова к соснам своим на пригорке. Там на полянке на поваленный ствол присядет. Солнце пригревает. Тепло. Щурится Петрович с непривычки от яркого света. Рукой траву задумчиво пригладит. Вроде не касается почти. А трава под ладонью пригибается, словно слушается его.

И тихо так. Спокойно. Хорошо. Настолько хорошо, что будто и не настоящее всё какое-то...

И вакуум этот ваш ложный. Ложный, как пить дать! Вот бы проверить как? Взять бы какую чёрную дыру. Да не простую, а такую сверхмассивную, что все ваши излучения Хокинга на границе горизонта событий, все ваши квантовые эффекты в полный рост повылазили. Да вторую приладить. Да исхитриться, и ею по первой садануть как следует. Вот

тогда это самое метастабильное состояние и скувырнётся. Должно скувырнуться. Локально хотя б. А там, глядишь, цепная реакция всё за собой потянет. Материю. Пространство-время. Всю Вселенную!

Весело Петровичу. Улыбается. Ожил. Глаза горят. Идеей вдохновляется. Обмозговывает. Теория теорией, а эксперимент дело такое... Переводит науку в плоскость инженерных проблем. Только на Земле нашей грешной всё это не провернёшь и не проверишь. Никакой энергии не хватит. Это ж в космос лететь надо. Прямо туда, куда сосны свои макушки наострили. К чёрной дыре. В центр галактики. А то и не нашей. Далеко. Тысячи световых лет. Десятки тысяч. Жизни всего человечества может на такой полёт мало будет. Не то, что одного человека. Человечка. Человечишки...

Приглядится Петрович. Очки на носу поправит. Рядом с ним в складках коры повдоль ствола муравьи ползают. Мизерные такие, а тоже копошатся. Что-то делают. Свой мир строят. Подденет Петрович одного на свой ноготь. Поймает. Вверх поднимет. Поднесёт поближе к очкам. Тот мечется. Растерялся. Головёшка глупая. Маленькая. Меньше спичечной. Меньше булавочной. Посади такого в коробок, а то и в какое пространство поменьше, так он же ему целым миром почудится. Важно-то, как ни странно, совсем не то, что по-всамделишному есть. А именно то, что кажется. В отличие от муравьишек нам-то главнее не дышать, не пить, не есть. Не лес, не озеро, не картошка с грибами. Воспринимать, представлять, мыслить – вот, что. А остальное так – необходимые для этого условия. Отреши от них человечка. Помести в коробку высотой сантиметров тридцать. Да и пускай себе в космос, куда сосны устремились. Сам он себе свой мир сделает. Сам обустроит. И никакие десятки тысяч световых лет не страшны.

Кто-то скажет, что это же всё иллюзии. Обман и фикция. Что заперт такой человек в их плену. Сидит внутри своей капсулы, как муравьишка в спичечном коробке. Да и сам-то человек ли уже? Так. Цифровая симуляция сознания. Допустим, оно и так. Да только может такая симуляция до звёзд добраться. А человечка навряд ли... Да точно! Никак не может. Вот и получается, что внутри мы намного свободнее, чем снаружи. Делай что хочешь. Изобретай. Создавай. Думай. А капсула пускай летит в наружной темноте, куда ей следует. Да и не так ли разве было всегда на нашей Земле, ежели подумать? Сидим на шарике. Ходим по замкнутой поверхности. В мысли погружаемся. Природой любимся. А снаружи что? Как крутится? Куда несётся? Почему? Зачем? Никто и не

задумывается почти.

Дунет Петрович на муравьишку. Тот улетит куда-то вниз в послушную приглаженную траву. В темноту между зелёными стебельками. Так, что и не видно его. Черным черно. Что же это там такое чёрное? Не так как-то. Приподнимется Петрович. Стёкла очков протрёт ещё раз для порядку. Прищурится. Раздвинет зелень руками. Разгребёт листву. А там не мох. Не почва. Не земля. А дыра. Пустота. Ничего. Точно. Не Земля.

Вот ведь прореха! Разозлится Петрович. Схватится за края дыры. Потянет в стороны да начнёт всё туда скидывать. Корзинку свою. Грибы. Сосны. Озеро с лодкой. Дом с полисадником. Кастрюлю с картошкой. Ведро дырявое. Один останется. Выдохнёт. Успокоится малость. Всё. Самому-то падать больше некуда. А лететь-то ещё ой как долго. Чего же зазря в пустоте висеть. Делать нечего. Придётся всё назад собирать. Пространство замкнёт вокруг. Свет наладит. Небо с облаками. Землю с холмами. Озеро с водой. В саду яблони облетают. На полянах рябины золотятся. На болотистом берегу осины пунцовой краской расписаны.

Оглянется по сторонам Петрович. Улыбнётся. Хорошо вышло! Всё нравится ему. И сосны. И дом. И озеро с лодкой. И вот ведро тоже. Новенькое. Эмалированное. Дно гладкое, прочное. Стукнешь – звенит. Может, человека ещё какого сконструить? Задумается. Нет. Не надо. Только мешать будет. А дел-то много ещё... Метастабильный вакуум это вам не картошка с грибами. Соображать надо. Вот только осень. Холодает. Так и тянет поспать. Пойти, прилечь что ли?

После них был потоп

Марк медленно двигался между заковыристых, но совершенно бесполезных на вид предметов мебели. Его мощное тело, плавно покачиваясь, с лёгкостью преодолеvalo эти баррикады, а конечности ощупывали каждый встречавшийся на пути предмет с такой нежностью и трепетом, на какие способен только прирождённый историк, археолог и архивист. Да, безусловно, было очевидно, почему он всегда нравился слабому полу. Образцовый самец. Впрочем, злые языки поговаривают, что он намазывал свои присоски чем-то раздражающим, отчего те становились более красными и припухлыми. Поведение, не очень-то достойное. Но разве самочки будут разбираться? Чувствуя, что уже чернеет от зависти, Лука отогнал от себя эти мысли и только повыше поднял фонарь, чтобы помочь своему другу, а заодно и самому получше осмотреться.

Пространство вокруг явно не возникло естественным путём, как какая-нибудь пещера или скальный разлом. Не было тут и следов привычной деятельности строительных моллюсков, широко использовавшихся для создания всевозможных стен и укрытий. Ни плавных изгибов, ни округлых форм — лишь прямые поверхности, напоминавшие камень, резко сомкнутые друг с другом по прямым линиям.

Прежде такие места считались запретными, даже гибельными. Что, в общем-то, было объяснимо. Фитопланктон и водоросли не могут обитать в отсутствии солнечного света. Столетиями концентрация углекислого газа здесь только росла, сделав всё внутри безжизненным. Лишь дыхательные губки, закреплённые на лицах Марка и Луки, позволяли им некоторое время работать в таких условиях. Возможные риски не останавливали их, ведь, как хорошо известно, все ноглавы от природы обладают сильнейшим любопытством.

Тем временем, углубляясь всё дальше внутрь прямоугольного помещения, Марк осторожными движениями смахивал слой осевшего ила и мусора с каждой встречавшейся ему горизонтальной поверхности, и пристально осматривал её своим левым глазом. Вдруг он замер, мгновенно выказав волнение, приобретя на секунду иссиня фиолетовый окрас. Так, что Лука сразу же поспешил приблизиться. В тусклом свете банки с люминесцентным крилем на желтоватой плите с разводами поблёскивала стопка тонких пластин с рисунками и надписями. Марк любовно провёл по ним своими щупальцами и аккуратно перевернул несколько.

Раньше уже обнаруживались подобные изображения в разной степени сохранности. И это было огромным везением, ведь они оказались ключом к массе других загадочных находок, упавших сверху, а потому считавшимися подарками богов. Теперь же такие суеверные заблуждения необразованных предков вызывали у Марка и Луки лишь иронический смех, от которого их серо-коричневые тела покрывались зелёными пятнами.

Существа, жившие сверху, разумеется, не были никакими богами, хотя и выглядели очень странно. Современная наука уже смогла дать объяснения некоторым из этих странностей. Например, по понятным причинам, лишённые поддержки плотной окружающей среды, эти существа сформировали внутри себя прочные кальциевые каркасы, сродни тому, как моллюски окружают себя раковиной снаружи. Это точно. Такие каркасы в более или менее полном виде ещё можно найти кое-где. Глядя на них, становится очевидно, что эти существа не были приспособлены для жизни в воде. Их тяжелая жизнь проходила где-то высоко — на обезвоженных

возвышенностях. Естественно, что иметь даже шесть, восемь, а тем более десять ног, было для них непозволительной роскошью. Попробуйте-ка нарастить кальциевый каркас на каждую из них! На такое способны относительно небольшие крабы, но никак не массивные наземные существа. Кроме того, на суше невозможно находиться в подвешенном состоянии, ведь приходится опираться минимум на одну ногу. Наземным существам пришлось дифференцировать свои и без того немногочисленные конечности на те, что используются исключительно для перемещения и те, что предназначены для более сложных действий. Так им удалось оснастить каждую десятком сочленённых отростков, при помощи которых явно получалось не только передвигаться, но и манипулировать объектами, обрабатывая и комбинируя их для разных целей.

И судя по всему, получалось это довольно ловко, потому что, помимо всех прочих технологических достижений, надводные существа сумели развить разнообразную письменность. Даже по тем сохранившимся текстам, которые попали в щупальца учёных, можно было сделать вывод, что письменность изобреталась несколько десятков раз.

Исходя из текстов, которые смог расшифровать Марк, письменности эти были настолько обособленными, что даже слово, обозначающее самих надводных существ, записывалось по-разному да ещё и различными наборами символов. Из этого смелый на гипотезы друг Луки сделал вывод, что обезвоженные высокогорные районы населялись сразу несколькими видами двуногих существ. На основании лексикологического анализа он выделил две основные группы – «маны» и «человеки» с рядом нескольких промежуточных смешанных категорий. Если первые были весьма преуспевающими в промышленном производстве — надписи на языке манов в изобилии были представлены на предметах различного вида и назначения. То вторые, по всей видимости, делали акцент на нематериальном производстве — большая часть объёмных и развёрнутых текстов художественного содержания оказалась записана языком челоуеков.

Сам же Лука, как специалист по материальной культуре, придерживался куда более радикальной точки зрения. И в своих извечных спорах с самодовольным Марком отстаивал её до тех пор, пока оба не покрывались красными пятнами. Лично перелопатив тонны ила и изучив сотни находок, Лука пришёл к твёрдому убеждению, что различия между челоуеками носили исключительно вневидовую природу. Существование в скудных условиях обезвоженного мира, вынудило их постоянно

расселяться в поисках пропитания. Отдельные популяции не просто теряли взаимосвязи и развивались изолированно, но впоследствии и конкурировали друг с другом за ресурсы и территорию. Такая практика неизбежно закреплялась в культуре. И в итоге привела к нерационально сложной общественной организации, когда вид уже не воспринимал себя, как единое целое при сохранении способности скрещиваться.

К своему удивлению, по такой позиции Лука получил неожиданную поддержку от Хава. Эта экстравагантная самка, нелюдимая даже по меркам ноглавогов, большую часть времени проводила в ярко освещённых районах возвышенностей. Отказавшись от собственной репродукции, она занималась там генетическими изысканиями. Не будучи обременёнными вечной борьбой с силой тяжести и поисками пропитания, предки Луки и Марка освоили секвенирование ДНК и горизонтальный перенос генов раньше, чем изобрели колесо. Хава достигла в этом особого мастерства. И строительные кораллы, и яркий люминесцентный криль, и длинные высокопрочные водоросли — вот, кто были её настоящими детьми.

Натолкнувшись однажды на странные вытянутые скелеты с двумя парами неодинаковых конечностей, Хава, естественно, не могла остановиться, пока не докопалась до истины. При большом внешнем разнообразии размеров и пропорций генетически все они почти не отличались и бесспорно принадлежали к одному виду.

Теперь, когда Лука вдруг выбирался к ней на мелководе, Хава подолгу держала его за щупальце и увлечённо рассказывала о своих открытиях и умозаключениях. Глядя на проблему исчезнувших манов-человеков со своих точек, оба, тем не менее, приходили к выводу, что основной проблемой этих загадочных существ была недостаточная сенсорная чувствительность.

— Всё у них ограничивалось довольно развитым зрением и, вероятно, слухом. Совсем другое дело наша способность передавать сотни символов в минуту через простое прикосновение, через многочисленные тактильные бугорки и рецепторы на щупальцах. Конечно, никакие жесты костистых конечностей не могли сравниться с этим. А уж невозможность выразить простейшие эмоции изменением цвета кожи и вовсе выглядит ущербной. Страшно представить, к каким конфликтам может привести банальное незнание эмоций твоего визави. Дикость! Посредственная дикость! — так рассуждала Хава, видя, как Лука медленно синеет, выражая своё полнейшее согласие, но постепенно теряя интерес.

Да, очевидно, визуальная составляющая была основой человеческой культуры, практически не использовавшей тактильного письма. Большая часть найденных текстов и изображений, совершенно плоские и не дают возможности получить информацию без использования глаз. Словно в очередной раз мысленно соглашаясь с Хавой, Лука покачал большой округлой головой.

Впрочем мань-человеки постепенно расширяли границы своей убогой анатомии посредством различных технических решений и приспособлений. Например, они научились сохранять то, что видят, чтобы потом показывать это своим соплеменникам. Такой способ передачи информации, разумеется, превосходил многие из доступных в живой природе. Секреты этой технологии ещё придётся разгадывать. Но именно с её помощью появились все эти картинки, которые сейчас в квадратной тёмной пещере рассматривали Марк и Лука. И именно из человеческой банки с закручивающейся крышкой, куда Хава спрятала своих рачков-светлячков, был сделан фонарь в щупальце Луки. Кто знает, какие ещё изобретения ноглавы смогут поставить на службу своему обществу? Не исключено, что они снова свалятся буквально сверху.

— Просто поставь сюда,— коротко велел Марк, чуть пихнув Луку, и тот молча поставил банку рядом с приятелем.

И пока Марк продолжал изучать свои цветные таблички, рассеянный взгляд Луки блуждал по помещению. Вскоре его внимание привлекла конструкция, закреплённая на потолке. Четыре плоские и длинные пластины, лучами, словно щупальца актинии, расходящиеся в разные стороны от центра. Лука задумался, протянул к одной из пластин свой щупалец и, толкнув её, сразу же проверил свою гипотезу. Да, конструкция вращалась. Слетевший ил, мелкими хлопьями стал падать вниз. На секунду оторвавшись от картинок, Марк недовольно посмотрел на своего напарника, который по его мнению снова занимался какой-то ерундой.

Однажды открыв вращение, мань-человеки регулярно использовали этот принцип в своих механизмах, где одни части крутились вокруг других. И это было явным признаком их технической культуры. Ведь по понятным причинам создать свободно вращающийся сустав на биологической основе довольно затруднительно. На такое способны лишь примитивные жгутиковые, крутящие своими маленькими хвостиками, как заведённые. Более же крупным существам всегда нужно соединять свои члены связками, сосудами и нервами.

Для чего использовалась эта искусственная крутилка под

потолком, Луке оставалось только гадать. Возможно, для перемешивания окружающей среды или чего-то подобного. Но однажды он уже видел такую штуку, хотя тогда и не сразу поверил, что имеет дело с созданием человеческих рук. Сооружение это было поистине огромным. Может поэтому, а может, потому, что со всех сторон покрывалось коричневатыми нитками глубоководных водорослей и раковинами моллюсков, оно уже не выглядело, как сконструированный кем-то механизм. Только на расстоянии удавалось распознать большой, как гора, и вытянутый, как туловище гигантского кита, продолговатый силуэт. Сверху он ощетинился широкой башней, напоминавшей акулий плавник. А сзади красовалась пара массивных лучистых крутилок, наподобие той, что Лука неосмотрительно тронул своим щупальцем. Впечатляющее зрелище. Впрочем, внутри этого левиафана обитало чудище, возможно, более страшное.

Каждое утро на башне-плавнике поворачивалась круглая ручка, открывалась плотная крышка и наружу из тёмных внутренностей вылезал семиногий Максимилиан. Это был очень старый и очень крупный ноглав, хорошо известный своим плохим характером. Послужил этому то ли его почтенный возраст, то ли трагическая потеря щупальца, но соплеменники избегали общения с Максимилианом. А в случае, если таковое и случалось, старались называть его просто Мак, дабы избежать опасного созвучия.

Лука был одним из немногих, кто навевывался к семиногому Маку. Сначала наблюдал, как тот обходил свою крепость, бережно очищая стены и отколупывая надоедливые раковины. А уж потом осмеливался подойти, хотя и не говорил ничего, а только смотрел за действиями старшего сородича. Мак явно замечал присутствие Луки, но не подавал вида, продолжая заниматься своим странным утренним моционом, а после так же безмолвно удалялся внутрь.

Вскоре методичность действий старого ноглава всё-таки дала о себе знать. Большая часть вытянутой громадины оказалась освобождена от мусора и отложений и показала свой тёмный с небольшими коричневыми пятнами бок. В очередной раз наведавшись к Маку, Лука обнаружил того, зачарованно смотрящим на символы, проступившие на стене его убежища. Луке они были хорошо известны, поэтому поборов страх, он подполз к старику и, схватив его за щупальце, прочитал вслух:

— Язь Арский.

Мак несколько не вздрогнул. Казалось, что он и сам ожидал от Луки этого не очень-то тактичного жеста. Он даже не изменил

своей окраски, а только отчётливо спросил:

— Ты умеешь читать?

— Да!— воодушевлённо подтвердил Лука.— Тут надпись на языке человеков. Я изучаю их культуру.

— И что же она значит?— в вопросе семиногого Мак слышалась издёвка.

— Не знаю,— сразу поник юный собеседник.

— Это имя,— многозначительно произнёс Мак, выдержав паузу, как делают все старики, желая продемонстрировать свою мудрость и важность.

— Какое имя?

— Имя этого корабля.

— Корабля?— удивился Лука.

— Какой ты глупый,— без лишних сантиментов заключил Мак.— Ты изучаешь человеков, но даже не знаешь, что у них были корабли. Да будет тебе известно, что человеки строили разные машины.

— Это мне известно,— перебил старика Лука, но сразу же замолчал.

— Они двигались под водой, по воде и даже выше — над водой. Крутились внутри и снаружи, отталкиваясь от окружающей среды за счёт...— Мак задумался, подбирая слово, чтобы выразить свою мысль,— внутреннего тепла. И если бы вы, исследователи, были чуточку посмелее и спускались в холодные низины, то тогда увидели... Там лежит очень много человеческих машин. Настоящие кладбища.

Слово «исследователи» старик произнёс с особым пренебрежением, поэтому Лука снова решился возразить.

— Мы не такие большие как ты, Мак... Среда в низинах может раздавить.

— Это верно,— он самодовольно усмехнулся.— Моя мамаша отметала меня и братьев прямо внутри этой штуки. Тогда ей казалось, что это хорошее место. Внутри было так тихо, безопасно и в воду словно сочилось какое-то уютное тепло. Думаю, дело в нём. В этом внутреннем тепле.

— А другие твои братья? Они такие же большие?— поинтересовался Лука.

— В живых остался только я.

Лука предполагал, что после его неловкого вопроса разговор уже не продолжится, но Мак вдруг сам предложил то, о чём его юный собеседник не осмелился бы попросить.

— Хочешь посмотреть, как эта машина выглядит изнутри? Там тоже есть слова из букв.

Безусловно Лука сразу же согласился. В тот день он узнал очень много. Конечно, никакого загадочного внутреннего тепла в корабле не обнаружилось. По словам Мака оно иссякло уже очень давно. Растворилось в пространстве. Но зато всё внутри было набито различными предметами, картинками и надписями. Новые сведения лавиной обрушились на круглую голову Луки. Маны-человеки, оказывается, не просто строили машины, наполняли их обезвоженными пузырями и могли перемещаться в водной стихии. Они ещё и изучили весь окружающий мир, сделав его подробные изображения. И хотя часто случалось так, что машины падали вниз, их вид долгое время безраздельно господствовал, подчиняя себе все виды сред.

Широко раскрыв глаза и рот, Лука с восторгом смотрел всё, что сохранилось внутри удивительного корабля, слушал увлекательные объяснения Мака. Но сам старик не разделял этих восторгов. Похоже, он был уже слишком уставшим и злым, чтобы по достоинству оценить те богатства, которыми обладал. По мере разговора он всё больше ворчал, а в его словах всё отчётливее звучала язвительная желчность и горькая никому невысказанная обида. Мак, по его же словам, давно избавился от восхищения перед человеками. В его глазах из благодетелей они превратились в расточительных и недалёковидных существ, развивших фантастические возможности, но не способных оценить последствия своих действий. Лука не был согласен, но не спорил со стариком, только заморожено слушал его истории, боясь лишь того, что тот замолчит. Под конец Мак и сам раскрыл тайну своего недовольства. В очередной раз немного помолчав, он вдруг спросил:

— А знаешь, как я стал семиногим?

— Нет,— ответил Лука, хотя имел на этот счёт несколько слухов и собственных версий: от нападения дикого хищника до неожиданного обрушения скалы.

— Я таким родился,— ответил Мак и, не прощаясь, бесцеремонно выпихнул маленького исследователя из своего убежища.

Лука не сразу понял смысл этой последней фразы. Уже значительно позже, обсудив всё с Хавой, он пришёл к выводу, что, возможно, семиногость семиного Максимилиана, как и

его большой размер, была вызвана тем внутренним теплом, когда-то разлитым внутри подводного человеческого корабля. Похоже, эта особенность сделала старика изгоем. Или он сам так думал. Но даже потеря щупальца не казалась Луке слишком уж высокой ценой за возможность спускаться в тёмные глубины, черпая оттуда тайны и знания. Ещё несколько ночей после разговора с Маком ему снились величественные кладбища машин, колоссальные механизмы, бороздящие просторы и сидящие внутри них маны-человеки, которых он никогда не видел.

Однажды, пробудившись от одного из таких ярких снов, Лука вдруг осознал идею, которой непременно должен был с кем-нибудь поделиться. Рассказав всё Марку и не получив в ответ ничего, кроме раздражённого фиолетового скепсиса, он вынужден был вновь поползти к отшельничающей Хава. Впрочем, идея по своей дерзости и правда граничила с безумием. Пока Лука поднимался по залитому солнцем склону, он и сам почти что отказался от своей задумки. Поэтому, когда дело дошло до разговора, решил начать с вопроса:

— А что если они ещё живы? Там наверху?

— Почти исключено,— после недолгих раздумий ответила Хава.— Все кости, с которыми мне доводилось работать, были такими древними. Да и этих ваших плавающих машин никто не видел. Думаю, все маны-человеки вымерли много веков назад, когда пришла большая вода.

— Но я смотрел карты... Изображения безводного мира. Очертания отличаются, но не похоже, чтобы средой было поглощено всё. Там, за границами мелководья должно что-то находиться. Какие-то следы. Предметы...— увлечённо возразил Лука.

— Должно,— согласилась Хава.— Но как туда попасть? Безводная среда мгновенно убьёт тебя.

— А если взять с собой дыхательный аппарат вроде кислородных губок? Крабы выползают на сушу, им там вечно что-то нужно.

— Для этого у них есть дыхательные мешки,— Хава стала говорить медленнее, явно задумавшись.— Допустим... Можно попробовать вырастить для тебя из них нечто... Анти-лёгкое, заполненное водой... Нет. Всё равно это суцая ерунда. Твоё тело поддерживает водная среда. Обычно мы по привычке не учитываем её плотность, но, как ты знаешь, в низинах она может тебя раздавить. А там, в обезвоженном мире, ты останешься без поддержки и сможешь только валяться под весом собственного

тела, как бестолковая морская звезда.

Неожиданно Лука так крепко сжал щупальце своей подруги, что та даже на мгновение пожелтела от боли.

— Слушай!— затараторил он.— На корабле человек семиногий Мак показывал мне одну штуку, а рядом небольшую книжку с картинками и текстом. Почти истлевшую, но я понял суть... Это что-то вроде герметичной гибкой раковины. Люди надевали её, чтобы свободно ходить в нашей среде. Что если бы я залез в такую?

— Ты сохранишь воду, но у тебя всё равно нет костей, чтобы противостоять тяготению. Тебе понадобится экзоскелет, как у членистоногих. С мышцами и оголёнными нервами, чтобы управлять им...- Хава внимательно взглянула на своего собеседника, пытаясь угадать его идею,- Хочешь, чтобы я вырастила для тебя гигантского четырёхногого краба без внутренностей? На это уйдёт целый год...

Несмотря на то, что этот разговор случился почти год назад, Лука помнил его почти дословно. И теперь, когда весь план уже близился к завершению, как же хотелось ему всё рассказать своему другу. Пока тот копается в своих архивах, рядом готовится настоящая высадка в чужой неизведанный мир! Интересно, куда денется весь этот его скепсис? Какой цвет примет его постная физиономия? А что скажет старый зануда Максимилиан, когда узнает, зачем на самом деле Луке понадобился водолазный костюм? Выход на сушу. Новые находки. Технологии. А может даже... Контакт! С ума сойти! Это вам не ползать в глубине среди гор металлолома!

Лука взял Марка за щупальце, чтобы наконец поделиться своими грандиозными замыслами, но вдруг ощутил передающийся по коже страх. На его друге и правда не было лица, а сам он стал весь каким-то светло-серым. Марк всё так же стоял в сгорбленной позе над цветными пластинками и пристально смотрел на изображение. В ярких цветных квадратиках, перемежавшихся фрагментами текста, были запечатлены различные сосуды — широкие, высокие и плоские — наполненные всяческим содержимым. Разноцветные жидкости и кусочки. Зелёные, явно растительные фрагменты, целые листья и небольшие стебли. Коричневые, красные, розовые и белые ломтики чьей-то плоти. По всей видимости, набор диковинных кулинарных блюд. Подобное Марк и Лука уже находили и знали о взыскательности человек, постоянно придумывающих новые гастрономические сочетания. Но то, что Лука увидел рядом, заставило его содрогнуться. В широкой

миске среди листьев салата, политые соусом, торчали щупальца. Такие же, как и у него самого.

— Ты вроде говорил, что мечтал бы с ними встретиться?— преодолев свою дрожь, прошептал Марк.

Лука молчал. Все его возвышенные романтические фантазии о загадочном человеческом мире, приносящем невиданные достижения, сейчас рушились одна за другой перед бездной незнания. Как же в действительности мало ему было известно об этих существах. Они населяли весь мир. Они меняли его. После них был потоп. И ещё один единственный жестокий и неумолимый факт. Для своих прежних богов ноглавы были всего лишь едой.

— Запомни всё,— так же шёпотом ответил Лука.— А лучше запиши. Но никому не говори! И я запишу. И не скажу. Никому не скажу! Пусть это прочитают... Но потом! Слышишь? Ещё слишком рано.

Конец ознакомительного фрагмента.Продолжить чтение можно по ссылке

Продолжить чтение можно по ссылке

<https://www.litres.ru/book/dmitriy-alekseevich-ignatov/nootropy-69131782/>

Сконвертировано и опубликовано на <https://SamoLit.com/>